

Также иерофаническим событием может стать случай. Этому посвящены рассказы «Рукопись, найденная в кармане» [2,279-293] и «Южное шоссе» [2,99-127].

Описание мифического события у Кортасара влечет за собой возникновение элементов мифопоэтической структуры повествования без прямых и явных оценок мифа. Греческая мифология неявно оказывается резервуаром мифологем, которые возникают при описании различных мифических событий. Парижское метро с его переходами, описанное в рассказе «Рукопись, найденная в кармане» [2,279-293], напоминает нам о лабиринте. А герой рассказа, подобно Тезею, бродит в поисках Ариадны, которая вывела бы его наверх. Миф о Нарциссе легко накладывается на рассказы «Дальняя» [1,59-69] и «Аксолотль» [1,212-218]. В рассказе «Письмо в Париж одной сеньорите» [1,48-58] присутствуют структурные элементы мифа о Кроносе. Конечно, соответствие кроликов богам-олимпийцам довольно комично, но именно в этом и проявляется особенность поэтики кортасаровских рассказов, в которых ирония соединена с трагизмом.

Итак, мы рассмотрели некоторые рассказы Кортасара с точки зрения присутствия в них элементов мифического. Мы последовательно применили три способа обнаружения мифического, воспользовавшись, во-первых, классическим подходом, во-вторых, феноменологическим подходом М. Элиаде и, в-третьих, в порядке эксперимента обозначили подход, при котором мифическое повествование возникает из мифического события. Мы показали, что классический подход малоэффективен в применении к Кортасару, так как мы находим мало примеров такого использования мифа в его творчестве. Мы также показали, какие возможности заключаются в пути исследования, который представляет собой синтез двух подходов: феноменологического и структурно-семиотического. Мы считаем, [213] что описание мифического события у Кортасара влечет за собой возникновение элементов мифопоэтической структуры повествования без прямых и явных оценок мифа.

Подход Элиаде оказался наиболее продуктивным. Поэтика Кортасара близка к пониманию мифического в определениях Элиаде и может быть охарактеризована как мифопоэтика в нетрадиционном смысле.

Библиография

1. Кортасар Х. Врата неба: Рассказы: Пер. с исп. - СПб.: Амфора, 1999. – 428 с.
2. Кортасар Х. Истории хронопов и фамов: Рассказы: Пер. с исп. – СПб.: Амфора, 1999. - 381 с.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. - М.: Наука, 1976. - 407 с.
4. Элиаде М. Священное и мирское: Пер. с франц. - М.: Изд-во МГУ, 1994. –144 с.

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

А.М. Болгова (Белгород)

Общеизвестно, что общий уровень культуры страны тесно зависит от уровня ее классического образования, которое является основой европейской, а значит и современной мировой цивилизации¹. Между тем, секуляризация мысли и сознания с эпохи Возрождения, а со 2-й половины XIX в. и слепая вера в механический, автоматический прогресс человечества за счет развития техники стали толкать Европу к отказу от классической и гуманистической традиции в образовании. «Не стоит терять драгоценное время на Цицерона и Софокла, нужны реальные технические познания», - таковы были лозунги реформаторов-прогрессистов от германского императора Вильгельма II до русских демократов². Однако «почти каждая эпоха и каждая фаза просвещения с нетерпением и досадой пытались освободиться от греков, ибо при сопоставлении с ними все достигнутое своими силами, якобы подлинно оригинальное и заслуживающее [214] искреннего восхищения, внезапно лишалось окраски и жизненных сил, превращаясь в бледную копию, если не в жалкую карикатуру»³.

Из всех видов образования лишь классическое имеет своей целью преимущественно умственное и нравственное совершенствование человека. И именно это должно быть подлинной целью развития любого общества, хотя кажущиеся цели обществ всегда были другими.

«Нет ничего невежественнее, чем утверждать, что нам у античности нечему учиться, так как мы ее давно опередили, и что классическая школа не прогрессирует со временем. Античность и ее место в образовании равны месту хлеба в питании», - писал апологет античности в России Ф.Ф. Зелинский⁴. Обычная школа дает лишь сумму знаний, которая со временем утрачивается. Классическая гимназия дает уму такую подготовку, которая приспособит его с наименьшей затратой сил и времени и с наибольшей пользой воспринимать те знания, которые ему понадобятся впоследствии.

Изучение античности в русской классической гимназии было основным и включало три важнейших элемента: 1) древние классические языки; 2) произведения избранных античных авторов в подлиннике; 3) античная история и культура. Каждая из этих частей, особенно третья, имеет непреходящее воспитательное значение.

Ни наука, ни учеба непосредственно нравственных целей не преследуют. Обладание истиной само по себе не делает человека нравственнее. Лишь тот путь, которым она досталась, лишь то усилие, которое мы делаем над собой, - вот в чем заключается нравственный смысл науки и учения. Но большинство учебных предметов воспитывает скорее не нравственность, а непереубедимость и нетерпимость. Поэтому защитники классического образования видели в древних языках и античной истории необходимый в обучении нравственный элемент.

Чтобы иметь право судить об античности, нужно иметь очень много знаний, ибо наука об античности – предмет энциклопедический, с огромной шириной кругозора, с большой суммой затрачиваемого труда. Лучшие российские антиковеды и филологи-классики, работавшие еще в начале XX в. и в гимназиях, были в значительной степени гуманистами и энциклопедистами.

Античный гуманизм требовал прежде всего положительного отношения к жизни. «Видеть, как человек сам себя понимает, [215] в чем он усматривает равнодействующую между нравственным законом и собственным Я (практической этикой), - это такое умственное наслаждение, выше которого трудно и представить себе»⁵.

Античность завещала нам своеобразный кодекс мыслителя на все времена: каждое положение должно быть доказано, а для этого нужно, чтобы человек был убедимым и переубедимым. Что же может способствовать этому в большей мере, нежели античная идея умеренности, меры во всем, «золотой середины»? Приобщение же к античности и ее идеям «из первых рук» помогает воспитать в себе познающего человека, для которого выше всего истина и родство со всем духовным и который выводит из этого познания свой истинный гражданский долг.

Античные тексты несут в себе колоссальный нравственно-патриотический воспитательный заряд. Патриотические чувства ребенка воспитываются прежде всего на примере героев отечественной истории. Но как воспитать уважение к героям других народов? Здесь рядом с библейским Давидом свое место должны занять и триста спартанцев у Фермопил, и пожертвовавший собой во имя победы римский консул Деций Мус. Только в древней Греции родилась мысль о том, что государство – это средство к нравственному воспитанию и совершенствованию человека, что политика есть завершение этики. Только древний Рим возвел служение своему государству в высший моральный долг. Можно привести массу других примеров.

Главная беда прежнего классического образования в России заключалась в том, что его пытались дать чуть ли не каждому мальчику из состоятельных или привилегированных сословий. Это был единственный путь к высшему образованию и связанным с ним преимуществам. Среди детей помещиков, купцов, лавочников было много тупых, ленивых, для которых изучение древних авторов было бессмысленно. Обучение превращалось порой в фарс⁶.

Россия с невероятной скоростью создала систему классического образования почти на пустом месте. К началу XX в. эта система успела несколько раз поменяться, но реальные плоды этой реформы были все же получены. Всплеск русской образованности, науки, литературы, искусства в России в начале XX в. – реальные достижения этого в чем-то скоропалительного, но правильного в своей основе образовательно-воспитательного процесса⁷. [216]

Избранный Россией в XX веке исторический путь оторвал страну от ее прошлого с невиданной последовательностью и решимостью. Причиной этого во многом стало отношение к классическому образованию в среде части русской интеллигенции как к оплоту реакции. Тем не менее, для лучших представителей отечественного антиковедения XIX-XX вв. было характерно восприятие античности через живые и доступные примеры, дающие возможность размышлять, убеждать, предостерегать, воспитывать. Наиболее эффективный способ превращения прошлого в живую действительность – проник-

новение в духовный мир человека античности. Этого не хватало прежней русской гимназии. В современной России для этого нет препятствий.

Не обольщая себя надеждами в отношении степени и масштабов возрождения элементов классического образования и их влияния на нравственность сегодня, все же следует отметить: при государственной поддержке сегодня можно реально создать одну из прослоек интеллектуальной элиты, ориентированную именно на классические ценности. Пусть круг этих людей будет небольшим, но их роль в обществе должна стать заметной.

Как в условиях модернизации и прогресса, так и в эпохи упадка и деградации (а эти тенденции в сегодняшней России причудливым образом сочетаются) опора на классические традиции может стать если не панацеей, то испытанным средством континуитета культурных и нравственных ценностей.

Примечания

1. Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы. – СПб., 1911. – С. 8.
 2. Зайцев А.И. В поисках возрождения // Греко-латинский кабинет. № 1. – М., 1992. – С. 5.
 3. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. – СПб., 1993. – С. 198.
 4. Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. – С. 12.
 5. Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. – СПб., 1910. – С. 207.
 6. Зайцев А.И. Указ. соч. – С. 10.
 7. Шичалин Ю.А. «Ужель свободны мы?...» // Греко-латинский кабинет. № 1. – М., 1992. – С. 17.
- [217]

IV. ХРОНИКА

ОТЧЕТ ОБ УЧАСТИИ В НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ В 2001 г.

Н.Н. Болгов (Белгород)

В течение 2001 г. нам предоставилась возможность принять участие в ряде научных конференций, проходивших на территории России и Украины.

1. Март: Санкт-Петербург. «Боспорский феномен».
2. Апрель: Харьков. «Проблемы истории и археологии Украины».
3. Апрель: Нижний Новгород. XII чтения памяти профессора С.И. Архангельского.
4. Октябрь: Севастополь. «Церковная археология».
5. Ноябрь: Киев. «Ольвия».

Кроме того, не удалось лично посетить конференции в Москве (июнь, ИВИ РАН), две в Керчи (май, II Боспорские чтения; июль, 175-летие КИАМЗ), Санкт-Петербурге (III Жебелевские чтения, октябрь, СПбГУ). Туда были отправлены тезисы, принятые к печати.

В марте 2001 г. состоялась третья конференция «Боспорский феномен», соучредителями которой выступили Государственный Эрмитаж, Институт истории материальной культуры РАН, Государственный музей истории религии (В.Ю. Зуев, М.Ю. Вахтина, В.А. Хршановский). Форум объединил около ста ученых из ряда стран СНГ и дальнего зарубежья. Материалы опубликованы в двух томах. В ходе культурной программы была проведена экскурсия в Эрмитаж. Во время конференции удалось также поработать в библио-